

ЛЮДМИЛА ШЕВЦОВА

Балабол

Аннотация

Главный герой — Колька Чикин. Простой шоферюга, неказистый, но с открытой доброй душой из деревни Прохоровка. Колька звезд с неба не хватает и, тем не менее, он самый счастливый человек в деревне. Он любит свою жену Тамарку — зеленоглазую, пышногрудую кассиру прохоровского «Универсама». И делает все, чтобы удержать подле себя такую красавицу. Но Тамарка, не отходя от кассы, влюбляется в городского «амбала» с деньгами и кабриолетом «Мерседес», и уезжает с новым возлюбленным в город... Колька понимает, чтобы вернуть Тамарку ему необходимо стать богатым и значительным, чтобы блудная жена им гордилась. После долгих поисков вариантов и способов проявления своей значительности, он открывает в себе способности экстрасенса-целителя и становится настолько популярным, что слава о нем семимильной поступью шагает по всей стране, и односельчане предлагают выдвинуть его в президенты России...

Людмила Шевцова

Балабол

У Кольки Чикина открылся третий глаз...

Это известие шарахнуло Прохоровку в самое темя, и она загудела от пересудов и домыслов, как молодая брага в бочке.

«Подумать только — свой пророк! И не в каком-то там занюханном Копенгагене, а почти в самом центре Тамбовщины, а это, почитай, пуп России. Значит неспроста. Был на то Высший глас!» — рассуждал народ.

Почти все в Прохоровке были уверены в том, что Божья благодать на кого попало не свалится. По нынешним временам просто так и чирей на заднице не вскочит. А тут, шутка ли? Третий глаз вылутился!

Многих в Прохоровке смущал тот факт, что дар Божий упал именно на Кольку. Вроде бы и не заслуживает он такой благодати. Маленький, плюгавенький, носик остренький, больше клюв напоминает. Не орлиный, конечно, а цапли болотной. Рыжие усы топорщатся. Глазки крохотные, на месте никак закрепиться не могут: шнырь — туда, шнырь — сюда, как маятник на ходиках. Ну, не тянул он на пророка. Хотя языком чесал отменно.

В армии его случайно контузило. Язык-то и сорвался. С тех пор остановиться не может. Может и врет он про третий глаз. Но кто знает? Такие случаи в жизни бывают. Шарахнет по башке — или ласты склеишь, или прозреешь. Уж, как повезет.

Колька Чикин прозрел.

А может, от страданий его? Увидел Всевышний, как тоскует Колька по своей рыжей Тамарке и подкинул ему в награду третий глаз. Как орден.

Эта Тамарка всю жизнь ему искорежила. Другой бы давно плюнул и забыл. Но Колька — однолюб.

Год назад Тамарка ушла к другому. Кольке больно до крика. Но он терпит. Ждет и верит, что блудная жена вернется. Упадет перед ним на колени и покается:

«Дура я, набитая! Все принца искала, а ты и есть тот самый принц. Даже лучше — король!»

Вот и все слова. Других ему и не надо. Для Кольки они самые значительные.

Тамарка не в первый раз рога-то ему наставляет. В армию уходил, ждать обещала. Колька каждый день ей письма писал. В орфографии он был слабак. И чтоб не опозориться, просил своего друга Мишку Ухина исправлять ошибки, хотя бы частично. Мишка исправлял. Для красного словца от себя кое-что добавлял.

Выходило складно. Тамарка вслух эти письма подругам читала. А замуж вышла за другого.

Колька с горя даже стрелнуться хотел. Но тогда боевые патроны выдавали только на учениях, под присмотром. Так он жив остался.

С замужеством Тамарке не повезло. Муж оказался пьяницей, да еще и погулять любил. Промаялась она с ним года три и вернулась к Кольке.

Он всегда ее ждал. Одного только опасался, что не сможет такую царицу подле себя удержать.

Баба она видная: мягкотелая, рыжеволосая, зеленоглазая. Будто с картины Ренуара сошла и села за кассовый аппарат в прохоровском универсаме.

Колька стерег свою принцессу как мог. С работы каждый вечер встречал. Подарки дарил. Даже в Египет хотел свозить и всему миру показать свою красавицу. Но, если видел, что какой-нибудь хмырь возле кассы больше положенного задерживался, то обязательно ввязывался в драку.

Попадало-то все больше Кольке. Так что он частенько ходил загипсованный с подбитым глазом.

В Прохоровке его Нельсоном прозвали. Колька понятия не имел, кто такой Нельсон, но... «Коль народ помнит, значит не последний человек в истории», — рассуждал Чикин и с охотой откликался на Нельсона.

Но... Не устерег он свою царицу. Год назад, летним днем случилась-таки трагедия всей его жизни.

Стояла нестерпимая жара. В универсаме было пусто и душно.

Мухи кружили над селедкой, прикрытой пожелтевшей марлей. Нинка Филатова, крашеная блондинка с нарисованными тонкими бровями, из рыбного отдела, то и дело сгоняла их газеткой.

Петровна, так звали старшего продавца из бакалейного, неторопливо раскладывала товар. Строгая, рассудительная женщина лет шестидесяти присматривала за продавщицами и всем давала советы как жить.

Машка Хомутова из молочного, молодая курносая толстушка, полулежала на прилавке, вывалив свои прелести, и, сладко зажмурившись, лениво мурлыкала под нос: «А ты такой холодный, как айсберг в океане».

Она знала только одну строчку из припева этой песни и никак не могла сдвинуться дальше, напевая мелодию без слов.

Утомленная духотой Тамарка сидела за кассовым аппаратом и с интересом просматривала свежий гороскоп журнала «*PLAYBOY*».

Ей так хотелось найти в созвездии Девы, под которым она родилась, ну хоть какие-нибудь перемены в своей жизни.

И когда, наконец, нашла, шепотом еще раз перечитала: «Девам на этой неделе грядут перемены в семейной жизни, возможно кардинальные...». Тамарка безнадежно вздохнула, захлопнула журнал и стала обмахиваться им от духоты.

— Том, сейчас твой явится с проверкой! — смачно зевнула Нинка. — Вот любовь, даже завидки берут.

— Ой, девки, мне от его ревности хоть в петлю, — с нарочитым безразличием проворковала Тамарка.

— Любит, значит! — констатировала Петровна. — Сколько лет стережет. И смотрит, как на Богородицу. Не то, что Мишка. Совсем Варьку бедную извел! Выходила замуж, девка была — загляденье. А теперь... Смотреть больно...

— Ой, беда! — подхватила Нинка, — вчера Варька опять у нас отсиживалась. В чулане пряталась. Только на рассвете ушла. Когда Мишка заснул. Сволочь! Каждый день, ну каждый Божий день — в дымину, а?! Нажрется — и в драку. И Петьку моего спонтальку сбивает! Петька, как с войны пришел, так и не просыхает. Говорит: «Я же не пью, Нин. Я к мирной жизни адаптируюсь». И весь сказ. А все этот Мишка, чтоб ему пусто было! Вон, опять возле клуба с утра гужуются. Шары

залили, и море по колено. А ты, Том, и впрямь, с жиру бесишься. Колька, конечно, не красавец, так с лица ж воду не пить.

— Так и я ж про это, — поддержала Петровна. — Хватишься, да поздно будет. Вон, твой-то бывший на молоденькой женился, а тебя побоку.

— Ой, да что вы меня все учите! — возмутилась Тамарка. — Вы со своими мужиками сначала разберитесь, а уж потом другим советы давать будете.

И тут, как раз, в момент обсуждения Томкиной личной жизни, к прохоровскому универсаму, громыхая трогательной историей про несчастную любовь какой-то Манички, в исполнении Михаила Круга, подкатил сверкающий хромовыми прибабасами черный «Мерседес». Да еще кабриолет!

Трое мужиков: известный скандалист и дебошир Мишка Ухин, Петька Филатов, инвалид чеченской войны и Васька-баянист, тихий бесцветный мужичок, заведующий прохоровской культурой, сидели на центральной площади, за самодельным дощатым столом. Они с утра уже были в подпитии и забивали «козла». Увидев мерседес, открыли рты.

— Залетный какой-то, — сказал Мишка и обвел недобрый глазом навороченную машину.

— Да, Мишань, — с горечью признал Петька, — такой на пенсию не купишь. Мне, вон, ноги по саму жопу отлупили, но даже приличный протез не поставили.

Из машины вышел мужчина лет тридцати пяти в ажурной тенниске, в фирменных джинсах и с массивной золотой цепью на шее. Высокий, привлекательный, крепкого телосложения, словом — мечта женщин.

— Я на минуту, сигарет куплю, — сказал он своему напарнику.

Тот кивнул головой и продолжал слушать песню, даже звук прибавил.

Вальяжной походкой обладатель крутой машины направился к универсаму.

При виде такого мужчины продавщицы, как по команде, встали по стойке «смирно», откровенно разглядывая неожиданного посетителя.

Скользнув равнодушным взглядом по торговому залу, незнакомец прошелся мимо отделов, скривив при этом физиономию, и напрямик направился к кассе, над которой, как и полагается приличному универсаму, висела специальная полка с табачным ассортиментом.

Томка встрепенулась, увидев такого красавца, повела плечиком, незаметным движением достала маленькое зеркальце, ловко подправила прическу и приосанила свою пышную статью.

Неожиданный покупатель посмотрел на полку с сигаретами, опустил глаза на кассиршу. И тут с ним произошла удивительная метаморфоза.

Кривая, недовольная физиономия его вдруг расплылась в сияющей улыбке. И он откровенно стал рассматривать кассиршу со всеми ее прелестями. Томка уже включила все свое обаяние.

— У-у, ты какая! — передразнил незнакомец известный персонаж, и глаза его похотливо заблестели. Он бесцеремонно уставился на Томкину грудь.

— Слушаю Вас, мужчина, — проворковала кассирша.

— «Мальборо» мне, белую. — Пожалуйста! Вам одну или блок? — и подарила незнакомцу обольстительную улыбку.

— Да ради твоей очаровательной улыбки, красавица, я готов купить всю партию, вместе с вашим магазином.

От удовольствия Томка заёрзала на стуле, поправляя непослушные огненно-рыжие локоны.

Петровна, Нинка и Машка сгрудились в бакалейном отделе, оттуда лучше было видно кассу, и, вытянув шеи, превратились вслух.

— Ой, сейчас Колька приедет! — Взглянув на часы, нервно прошептала Петровна. — Что будет?!

— Что-что? Цирк на дроте. Первый раз что ли? — не отрывая глаз от мужчины, сказала

Нинка. — Ты глянь, представительный какой! Вот стервь рыжая, везет же!

— Сдается мне, я все-таки где-то Вас видел?! — наигранно интеллигентно пропел посетитель. — Вы в прошлую пятницу не украшали своим присутствием «Поле чудес» Леонида Якубовича?!

— Ой, да что Вы! — кокетливо хихикнула Тамарка, — я и в Москве-то ни разу не была. А чудес у нас и своих хватает. Каждый день. Такие чудеса. Обхохочешься.

— Зовут-то тебя как, красавица?

— То-ома, — пропела она...

— Царское имя! Позвольте Вашу ручку, — он взял Томкину руку и приложился к ней губами. — Анатолий. Можно просто — Толик, но исключительно для тебя.

Петровна, Машка и Нинка наперебой шепотом комментировали сцену нечаянного Томкиного знакомства.

— Глянь, глянь... Руку целует, — заходилась от зависти Нинка.

— Нет бы, отшить! Ее за уши теперь от него не оттянешь, — осуждающе вставила Петровна. — Расплылась, как крем-брюле.

— А ножонками-то мужичок, вон как сучит, — вздохнула Машка, — А она — чистый пурпур! А мужик-то, мужик! Куда там Кольке до

него. С этим ему не сладить.

Облокотившись на кассу, Толик покрутил перед носом рыжеволосой кассирши ключами от мерседеса и весело предложил.

— Хочешь, прокачу?

— Так я ж на работе, материально ответственная, — растерялась Тамарка.

— Да плюнь ты на эту работу, — и он шепнул ей что-то на ухо.

Тамарка зарделась, и они о чем-то стали шептаться к неудовольствию продавщиц.

— Ой, прям, и не знаю! — хихикнула Томка. — Ну, нельзя ж так сразу!

— Ну, милая, ты ж не девочка. Уже зрелый персик. А я пацан серьезный. Дело говорю. У меня фирма своя. Будешь брендом моей фирмы.

— Ска жите тоже... Брендом! Слова-то какие, чудные...

— А я по жизни, вообще, чудной. Но слово держу. Понравилась ты мне. И точка. А все, что мне нравится, я тут же покупаю. Ни в чем себе не отказываю...

Тем временем, в разгар Томкиного знакомства, Колькин молоковоз подкатил к площади. Он вернулся из райцентра, куда после утренний дойки отвозил молоко с прохоровской фермы.

На этот раз Колька припарковал свой

молоковоз за памятником генералу Карбышеву. Памятник украшал центральную площадь Прохоровки, хотя никто в деревне не припомнит: каким боком этот самый генерал имеет отношение к их местности.

Колька выпорхнул из кабины молоковоза. Он был одет в потертые вельветовые брюки канареечного цвета, серую майку с изображением какой — то улыбающейся рыжеволосой женщины, отдаленно похожей на Тамарку. Завершали его прикид облезлые плетенки на босу ногу. Колька держал в руках букетик полевых цветов. Он каждый день собирал их в поле для своей жены, возвращаясь из райцентра.

Цветы немного поникли. Колька достал из кабины пластиковую бутылку с водой, побрызгал цветочки, посмотрел на себя в ветровое стекло, приосанился и бодрым шагом подошел к сидящим за столом мужикам.

— Политсовету привет! Какие вести с международных арен? — не без иронии спросил он местных алкашей.

— Да вот партию решили создать, — ехидно сказал Мишка Ухин.

— Алкашей что ли?! Так она уже создана. Вот и кворум есть, — поддел друга Колька. Они часто при встрече устраивали словесные перепалки.

— Нет, рогатых. И ты в ней будешь

бессменным лидером, — оскалился Мишка, и мужики многозначительно захихикали.

— Мужики, чей «мерс»? А? — почуяв недоброе, спросил Колька, когда увидел машину возле входа в универсам.

— Не хочу тебя огорчать, Коль, — с усмешкой заметил Петька, — но он точно не наш. Какого-то бугая залетного. Вот уже полчаса он торчит в магазине. Что он там делает? Как думаешь? Очередей, как ты сам знаешь, там не бывает. Так что, соображай на раз, какой товар его там заинтересовал...

Колька, недослушав Петьку, пулей метнулся к универсаму.

— Ой, мужики, — весело сказал Петька, глядя ему вслед, — чуёт мое сердце, орденосного командира разведроты, что сегодня нам предстоит постоять насмерть за Колькин интерес. У меня на боевые действия чутье натаскано, как у собаки на наркоту. Наливай, Мишань, для поднятия боевого духа.

Мишка тут же всем налил из пластиковой бутылки мутного самогона, и их развезло окончательно.

Колька с букетом лютиков влетел в магазин и от изумления застыл у двери как вкопанный. То, что он увидел, сразило его наповал. Какой-то белобрысый амбал, наклонившись к его Тамарке,

игриво нашептывал ей что-то на ухо. А Томка кокетливо ему улыбалась...

— Отойди от нее, гад! Убью! — угрожающе завизжал Колька.

Петровна, Машка и Нинка сразу выдвинулись на передовую позицию, встав стеной между Анатолием и Колькой, чтобы, в случае чего, его поймать, предчувствуя надвигающуюся драку.

Анатолий посмотрел на Кольку, улыбнулся, измерив его взглядом.

— Что это, Том? — добродушно спросил он и кивнул в сторону обезумевшего Кольки. — Это... это кто?

— Муж мой, — Тамарка нервно хихикнула. — Ну... Он сейчас драться будет. Сегодня как раз его день.

— Вот этот обмылок? Он еще и дерется? Как у вас тут все запущено-то! — заржал Толик. — А ну — ка, Шварценеггер, иди ко мне? — Он поманил Кольку пальцем. — Иди, чего застыл?

— Отойди от нее, сказал! Убью! — прорываясь сквозь женский кардон, настоятельно требовал Колька.

— За что ж мне такое наказание?! — заголосила Томка, предчувствуя неминуемую беду. — Не трогай его, Анатолий! Прошу тебя, ты ж его убьешь?

Толик подошел к оцеплению, поймал

Колькину руку и ловко завернул ее за спину. Выхватил из нее букет лютиков и засунул его в Колькины вельветовые брюки. Этот позорный факт, да еще на глазах любимой женщины, Колька пережить не мог. Он вырвался из цепких рук продавщиц, отскочил к самой двери, и тут же с диким воплем: «Убью!», как разъяренный бык, понесся на Анатолия.

Бабы в ужасе расступились. Анатолий специально посторонился, чтобы открыть путь сопернику к прилавку с кондитерскими изделиями. Колька со всего маху врезался в витрину, разрушив ее до основания.

Петровна схватилась за сердце и запричитала:

— Что ж ты наделал, змей проклятый?! Кто ж теперь убытки платить будет? А ты, курва рыжая! Что сидишь, как кочка, развела тут бардак...

Но Колька уже мчался на Анатолия, оттолкнув продавщиц.

— Прошу тебя, не трогай этого придурка! Он и так мне всю жизнь отравил своей ревностью! — кричала Анатолию Томка.

— Ах, даже так? Ну, ладно. — Толик схватил Кольку, который в очередной раз пытался на него напасть, и с силой запустил его подальше между прилавками.

— Все, Тома! Уходим!

Он взял Томку за руку и потащил ее к выходу.

— Томка, ты куда?! — заорала Петровна. — А за кассу кто ответит!? Закрой кассу!

Томка вырвалась из рук Толика, метнулась к кассе...

А Колька, освободившись из цепких рук продавщиц, на этот раз молча, но стремительно разбежался и изо всех оставшихся у него сил врезал головой Толику между ног.

— У-у, ё-ё!!! — скорчился тот от боли и на мгновение даже потерял контроль.

Колька ловко вскочил ему на спину и стал душить ненавистного соперника.

Томка кинулась стаскивать мужа.

На этот раз, разъяренный не на шутку Анатолий стряхнул с себя Кольку. Тот успел схватить стул и хотел огреть им наглого амбала. Но Толик схватил его за шиворот и, приподняв, развернулся вместе с Колькой вокруг себя и со всей мощью швырнул его в витрину магазина.

Раздался оглушительный звон битого стекла и истерические вопли продавщиц.

Первым в витрину влетел стул.

За ним с визгом Колька. С кучей битого стекла и остатками рекламных плакатов Колька плюхнулся на дорогу, прямо перед мерседесом.

— Нельсона бьют! — закричали мальчишки, которые собрались возле памятника и кинулись к универсаму.